

ПАРОМ *через* РЕКУ

БЛЯВА

Содержит нецензурную брань

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Третья часть трилогии
«ПИРОЖОК», в которой вы
поймёте, что пирожок — это та
же булочка, только с начинкой

18+

Лев Чернец

**«Пирожок». Книга 3.
Паром через реку БЛЯВА**

«Автор»

2026

Чернец Л.

«Пирожок». Книга 3. Паром через реку БЛЯВА / Л. Чернец —
«Автор», 2026

Молога разрушена, а Корсак мёртв, но тесто, превращающее людей в монстров, никуда не делось. Вместо спокойной жизни Семёна Зайцева ждут погоня от бледных упырей в больничных халатах, встреча со старым соседом Стасом, возомнившим себя Носфератумом и основавшим культ на гинекологическом кресле, и контролёры Панелевича, маньячно следующие по пятам. Чтобы наконец-то спасти себя и тех, кто стал ему семьёй — лохматого Тоху с его двойняшками-оборотнями, Катю с жезлом следователя и Пашу с вантузом наперевес, — Зайцеву придётся пойти на жертвы. Но даже у смерти на этот счёт свои планы. И свой чай в подстаканнике.

© Чернец Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Обсосанные шарики	5
Глава 2 Транспортное несчастье с четырьмя колёсами	9
Глава 3 Отделение трансплантАлогии	14
Глава 4 Носфератум	17
Глава 5 Бюрократическая насмешка	21
Глава 6 Серёжин сон	25
Глава 7 Ням	27
Глава 8 Товарищ Сяпрямтрянский	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

«Пирожок». Книга 3. Паром через реку БЛЯВА

Глава 1 Обсосанные шарики

Знаете, есть такая штука — пластиковый бассейн с шариками в торговых центрах. Дети там орут, вырывают друг у друга именно зелёный шар, хотя кругом тысяча таких же, а рядом сидит чья-нибудь мамаша, уткнувшись в телефон, и старательно не замечает, что её чадо кого-то там душит. Она ведь купила дневной абонемент и теперь будет сидеть до самого закрытия.

Так вот я лежал на дне такого бассейна. Шарик давили со всех сторон — жёлтые, красные, синие, зелёные. Бок горел. От подмышки до бедра шёл рваный порез, и тесто внутри только начинало работу. Серое тесто медленно копошилось в ране.

Я не двигался. Не потому, что не мог, а просто боялся. Стоило пошевелиться — шарики бы посыпались, зашуршали, выдали с головой. И да, страх вернулся. Он вернулся ко мне ещё тогда, в Мологе, одним скопом, как и все остальные чувства. Словно кто-то принёс тесное худи из секунд-хенда: «Носи, Сёма, обноси».

Надо мной, в этой пластмассовой пустоте, кто-то хрипел. Так хрипят, когда лёгкие уже не лёгкие, а два гнилых мешка. ХРРР-ХЫЫ...

Звук как в ломающейся Мологе.

Мать вашу!

— Вас не было год, — сказал тогда Тоха.

Мы сидели в Бро-мобиле, и всё уже вроде как кончилось. Катя спала, свернувшись в позу зародыша. Паша смотрел в окно на пустую трассу и, кажется, не моргал.

— Что? — переспросил я. Хотя вопрос что в данном контексте звучит туповато. Будто кто-то другой спросил за меня.

Тоха заговорил тихо, чтобы не разбудить Катю.

— Я ждал вас. День, два, неделю. Никто уже не верил, что вы живы. Месяц! Потом Нюра сказала: всё, Антошенька, смиришься, нет их.

Он замолчал. Уши его опустились. Он смотрел на свои лапы, и когти его чуть подрагивали.

— Все, кроме меня, — сказал он. — Я не слился. Ты мой бро. Я знал: если ты живой — ты вернёшься. А если нет... — Он провёл лапой по приборной панели. Древесина под его пальцами будто вздохнула. — Если нет, я хотел хотя бы забрать тела. Чтобы вы не гнили в той дыре.

Он перевёл дыхание.

— Я ремонтировал Бро-мобиль целый год. Тупо 24/7. Рогна орала на меня. Я сам гнул металл. Сам паял проводку. Тот чел, который делал эту тачку... я нашёл его. Уговорил. Он сказал: «Антон, ты псих, её уже не собрать». А я собрал. — Он постучал костяшкой по рулю.

— Собрал, — повторил он. — Потом нашёл старые карты. Исследовал порталы. Прыгал через туман семь раз. Но я понял, как работает Молога. И когда я был готов...

Год.

Целый год он жил с этим, пока для нас прошёл день.

Год Тоха чинил машину, в которую никто не верил.

А теперь эти шарики. Я лежал на дне и смотрел вверх. Там, где заканчивался пластик, начинался потолок с квадратными плафонами. Один плафон горел. Не знаю, для кого он, этот один плафон? Если только для охранника, который спит и видит сон про то, как он наконец-то уволился.

Пластиковая трубочка для сока торчала из моего рта. Белая с красными полосками. Через неё я дышал. Если это можно было назвать дыханием.

Шарики ведь — как вода, но пахнут как детская моча.

ХРРР-ХЫЫ... Где-то слева. Метрах в пяти. Может, в трёх.

Я не видел его. Я слышал его. Как он шуршит — шорх-шорх-шорх — перебирая шарики рукой. Похоже на то, как если бы великан ворошил сухие макароны. Он искал меня. И что теперь, драться?

Пластиковая трубочка в моём рту дёрнулась. Что-то застряло. Я втянул воздух — не идёт. Втянул сильнее — всё равно не идёт. Я выплюнул трубочку — она выпала на шарики и тут же провалилась в щель. Один шарик заскочил мне в рот. Я вытолкнул его языком, и этот убудок выкатился наружу и запрыгал по головам других шариков.

ШОРОХ-ШОРОХ-ШОРОХ.

Он замер. Прямо надо мной.

Я перестал дышать.

Воздух кончился, но лёгкие не требовали нового — внутри меня больше не было того, что умеет требовать.

И тут рука.

Бледная. Худая. С длинными пальцами в заусенцах, с чёрной грязью под ногтями. Она опускалась медленно, будто боясь уколоться. Пальцы раздвинулись веером и начали шарить.

Они искали меня.

Указательный скользнул по щеке — какой холодный!

Средний залез под губу.

Безымянный ткнулся в ноздрю.

И в этой тишине — звук.

Щелчок.

Кнопка Play.

Тихий треск.

В кармане заорал наушник.

«Голдстар» ожил сам. Без моего приказа. Гитарный рифф ударил сквозь ткань. Басы. Барабаны.

«WOO-HOO!»

Blur. Song 2.

Я сжал плеер сквозь ткань. Он завибрировал сильнее, будто говорил: «Вставай, придурок. Хватит валяться».

Надо мной, в пластиковой пустоте, кто-то хрипел. ХРРР-ХЫЫ... Вжжжиу...

Мать вашу.

Наушник грохотал. Он не предупреждал. Он заводил.

«WOO-HOO!»

Я взорвал бассейн изнутри. Вскочил с таким рывком, что шарики фонтаном брызнули во все стороны. Оранжевый вцепился в потолок, красный отскочил от его лысеющей башки.

Он был бледным, серым, в халате, похожем на больничный. Изо рта капала слюна, обнажая мелкие острые зубы. Мужик выглядел как наркоман, который каким-то чудом выжил и остался этим доволен. На шее виднелся старый полусантиметровый шрам.

— Нашё-о-о-ол, — завизжал он. — Нашёл-нашёл-нашёл.

Я не стал раздумывать. Я просто ударил, вложив в этот удар всё ощущение неправильности происходящего.

«WOO-HOO!»

Кулак вошёл в его лицо — мякоть хрустнула, что-то тёплое брызнуло на пальцы. Он покачнулся. Шарики под его ногами разъехались, он взмахнул руками и рухнул.

Я налетел сверху. Добить. Вдавить в пластик.

Я ударил ещё раз. Челюсть хрустнула и свернулась набок.

— Кто твой хозяин? — Я ухватил его за горло. Сжал хрящи.

— Соси! — он попытался плюнуть в меня, но слюна просто потекла по его подбородку.

Он вцепился в мою куртку. Хватка была слабой. Сам тщедушный — кожа да кости.

Я сжал сильнее. Он захрипел, засучил ногами, шарики вокруг нас запрыгали. Через секунду тело обмякло, и я брезгливо скинул его в ближайший сугроб из шаров. Он затих. Голова ушла под красные, ноги задрались в жёлтых.

Я сунул руку ему в карман. Смартфон. Заляпанный, с треснутым экраном. Я поднёс его к его же лицу — экран мигнул, разблокировался, опознав харю.

Календарь.

Заметки.

«В три. Отделение трансплантАлогии. Привезли свежий материал. не опаздывайте».

Через «А». Кто же так пишет? И почему «не опаздывайте» во множественном числе?

В этот момент что-то с силой ударило меня сзади. В поясницу. Я покачнулся.

Второй.

Такой же. Бледный. В халате. Только чуть выше. И в руке он держал картонную пачку. Синяя. С надписью «Соль поваренная пищевая». ГОСТ и так далее.

Я не успел увернуться. Белые кристаллы посыпались на рану на боку. Туда, где черви теста всё ещё копошились, стягивая рваные края. Тесто зашипело. Точно масло в сковороде.

Я заорал. Боль была такая, будто мне в открытую рану насыпали соли. А да... ведь именно так и было. Иногда реальность совпадает с метафорой так точно, что аж тошно.

Наушник в кармане зашипел вместе с раной — и снова взревел:

«WOO-НОО!»

Я отшатнулся, врезался спиной в стенку бассейна. Пластик прогнулся, но выдержал.

А первый уже начал подниматься. Встал на четвереньки, мотнул головой с болтающейся челюстью и захрипел, с трудом втягивая воздух обломанным ртом.

Второй шагнул ко мне.

Я понял: не справлюсь. Не в этом пластиковом гробу. Здесь мне конец.

«WOO-НОО!» — надрывался наушник.

Я побежал. Как есть, давя шарики, падая, вставая, размазывая по лицу соль и кровь. Впереди было окно — во всю стену, с видом на ночную парковку.

Я выставил плечо.

Удар.

Стекло даже не зазвенело, а вывалилось наружу целым пластом и раскрошилось об асфальт.

В ушах засвистело.

Приземление вышло хреновым. Асфальт принял меня коленями. Рана на боку, щедро приправленная солью, пылала.

Они остались в разбитом окне — два силуэта на фоне горящего плафона. И третий. Я не заметил его раньше, а он, оказывается, был. Приковылял откуда-то из глубины игровой. Стоял за их спинами. Прижимал телефон к уху плечом. Вечерний ветер трепал их больничную одежду. Это были не люди и не заряженные. Это было что-то совсем другое, ещё не понятное, ещё не имеющее названия. И от этого ещё более поганое.

Я развернулся, хромая.

«Жига» стояла заведённая. Старушка тихо дребезжала выхлопной трубой.

Дверца распахнулась.

— Сём! — заорал Паша. — Давай! Быстрее!

Я подбежал. Ноги не слушались. Шарики всё ещё сыпались из штанов.

Я влетел на пассажирское сиденье. Дверца хлопнула.

— Погнали, — выдохнул я.

Паша выжал сцепление, воткнул передачу. «Жига» сорвалась с места — колёса взвизгнули. Мы рванули по парковке зигзагами, объезжая бетонные блоки.

Плеер отщёлкнулся. То ли кончилась песня, то ли он решил — хватит. Две минуты истекли.

Я смотрел в боковое зеркало.

Стая стояла на прежнем месте. Фигуры становились всё меньше. Сначала силуэты. Потом точки. Потом ничто.

— Ну как? — Паша покосился на меня. — Удалось что-нибудь выяснить?

— Дерьмово, — ответил я. — Он был не один.

Он кивнул. Будто ожидал этого.

Мы выехали на дорогу. Городские огни поплыли за окном.

Я достал смартфон. Экран всё ещё горел. «Отделение трансплантАлогии.»

— Но мы стали ближе на шаг, — сказал я.

Паша глянул на мой бок. Там всё ещё шипело и дёргалось, прямо сквозь дыру в куртке.

— Это заживёт? — спросил он.

«Жига» набрала скорость.

— Надеюсь, — выдохнул я, вытирая кровь с лица. — Едем к Тохе.

Медлить было нельзя — бледные не отставали от меня ни на шаг. Я думал, что переиграю их, что сам стану охотником: выйду на одного, раскручу. Глупо. Они ждали меня.

Кто-то вёл эту партию, и этот ублюдок всегда делал ход первым. Будто знал меня.

Лики и Корсака больше не было, но проще не стало. Это даже не догадка, это аксиома, такая же незыблемая, как гравитация.

Ни черта хорошего не будет. Но это, в общем-то, и не новость.

Глава 2 Транспортное несчастье с четырьмя колёсами

Если вы когда-нибудь окажетесь в нашем городе после наступления темноты (чего я вам категорически не советую), никогда, ни при каких обстоятельствах не садитесь в машину, которую владелец именует «Жигой». Это не транспорт, это передвижное несчастье с четырьмя колёсами и явным желанием вас прикончить.

«Жига» катила по ночному городу. Двигатель дребезжал, Паша морщился каждый раз, когда переключал передачу.

— Надо было брать что-то попримечнее, — пробормотал он, будто извиняясь. — За два месяца только на эту наскрёб.

— Да забей. Я вообще на велике гонял, у меня стандарты ниже не придумаешь.

Я посмотрел в зеркало. Позади, метрах в ста, висел серый седан без номеров. Не приближался, не отставал. Просто следил.

— Хвост? — насторожился Паша.

— Не похоже на тех, из ТЦ. Те слишком тупые, чтобы найти выход из паркинга, не то что вести машину. Они бы уже в фонарь влетели.

Мы свернули во двор. Серая машина не свернула. То ли отстала, то ли не захотела светиться.

Высотки стояли плотно — двадцать этажей сбившихся в кучу великанов. Детская площадка пустовала. Пластиковая горка блестела под фонарём, качели висели неподвижно. Одна цепь была оборвана, и синий пластик сиденья скрёб по покрытию оторвавшимся краем. Песочница засыпана окурками.

Первый этаж — коммерческий: погасшая витрина «Пятёрочки», салон маникюра с потухшей розовой вывеской. Между ними, в цоколе, дверь с табличкой: «РЕМОНТ СМАРТ-ФОНОВ. ПЕРЕКЛЕЙКА СТЁКОЛ. НАСТРОЙКА ДОСТУПА К ЗАРУБЕЖНЫМ РАБОЧИМ СЕРВИСАМ. ДЁШЕВО!».

Рядом с домом чернел силуэт детского сада. Двухэтажная коробка с вывеской «КОПЫТЦЕ». Вывеска была, в общем-то, милая, но в темноте читалась зловеще, словно заболевание: «Доктор, у него копытце! Срочно в карантин».

Мы поднялись на восьмой этаж.

За дверью грохнуло. Женский голос, пробивающий бетонные перекрытия, рывкнул:

— Антошенька! Твои дружки припёрлись! Я только задремала!

Дверь распахнулась. На пороге возникла Рогна. В бигудях. В леопардовом халате. Одна тапка на копыте, вторая... да кто её знает, где эта вторая. Хвост нервно ходил из стороны в сторону.

— Явились. Не запылились. Выглядишь как дерьмо, Зайцев. У тебя вообще бок дымится, ты в курсе?

— В курсе. — Я прикрыл бок.

— И воняешь. Ты бродяжничал, что ли?

— Мне негде помыться. Меня выгнали из общаги.

— Правильно сделали.

Она высунулась в подъезд, принюхалась, осмотрела лестничную клетку и, только убедившись, что соседи не пелятся, отступила вглубь.

— Проходите. Только тихо. Хотя чего тихо — эти двое всё равно не спят никогда. Я уже забыла, что такое ночь спать нормально. И не открывайте шторы — у нас соседи любопытные, в окна заглядывают.

Мы вошли.

Квартира была маленькая, но уютная. Не в моём понимании уюта, но в её. Шторы в цветочек. Ковёр на полу. Над телевизором — фотография: Рогна с животом и Тоха с улыбкой на фоне ЗАГСа. Тохин пиджак трещал по швам, а Рогна обвивала его лапу хвостом так нежно, что у меня на секунду защемило сердце. Такое вот маленькое, подлое защемление, которое случается, когда видишь чужое счастье.

У двери, на крючке, висел длинный серый плащ с капюшоном. Под ним — тёмные очки и плотный шарф.

— Соседи думают, что мы аллергики, — Тоха вышел из гостиной. — Или сектанты. Тут рядом химзавод, полрайона фрикует. Серьёзно! Местные такие, что если у человека три ноги, у него спрашивают не «что с тобой», а «быстрее бегаешь?». Никто уже не разбирается, у кого что — химия, мутация или просто жизнь такая. Нам на руку.

Спортивные штаны с пузырями от долгого сидения на полу с детьми. Растянутая майка, которую шерсть распирала изнутри. На ногах — тапки с помпонами. В одной лапе — бутылочка с молочной смесью, в другой — погремушка в виде единорога. Единорог смотрел на мир остекленелыми глазами и явно тоже хотел спать.

Мы обнялись. Тоха пах присыпкой.

— Ты оскуфел, — сказал я.

— Какое оскуфел, бро? Я перешёл на удалёнку. А это не пузо, а мужской курдючок. — Он зевнул. — Ты бы попробовал уследить за этими дьяволятами. Им вообще не надо спать. Они всё время двигаются. Как акулы.

Он наклонил голову и показал проплешину размером с грецкий орех.

— Это Соня. Она делает мне причёски.

Потом он показал свою ногу.

— А это Миша. Он отрабатывает кусания, — добавил Тоха. — У него зубки режутся.

— У меня тоже зубки режутся, — раздался голос Рогны с кухни. — Когда я вижу, что ты опять забыл вынести мусор!

— Да вынесу я! — отмахнулся Тоха и почему-то пошёл в гостиную не за мусором.

И там я впервые увидел их. Раньше только слышал от Тохи... теперь и увидел.

В углу стояла двойная кровать, и оба малыша бодрствовали самым возмутительным способом. Соня висела вниз головой, зацепившись хвостом за бортик, и ритмично раскачивалась. Миша сидел, уперев лапы в матрас, и потрошил поролон. У обоих были рожки, как у матери, и совершенно бессовестные глаза, как у отца. Спать они даже не собирались!

— Соня и Миша, — представил Тоха интонацией экскурсовода. — Им по три месяца. Но они уже...

Он не договорил. Соня открыла янтарные глаза, посмотрела на меня, улыбнулась и исчезла.

Я поднял голову. Она висела на занавеске. Раскачивалась. Довольно гукала.

— Соня! Нельзя так делать! Мы это уже обсуждали!

Тоха метнулся к окну. Соня загукала громче и полезла выше. Карниз жалобно скрипнул. Из кухни вышла Рогна. В руке у неё была сковорода, на которой шипели две отбивные.

— На, — сказала она Соне и сунула отбивную прямо в маленькую когтистую лапку.

— На, — сказала она Мише.

Те принялись грызть отбивные. Хруст стоял такой, будто в комнате работал маленький деревообрабатывающий станок.

— А им не... — начал было Паша, но Рогна зыркнула так, что он замолк.

— Чего надо? — она перевела взгляд на меня. — Потрудитесь объяснить, зачем вам мой муж на этот раз. Только не врите! Зайцев, у тебя на лбу написано, что ты сейчас будешь врать.

Я глянул на Тоху. У него был такой несчастный вид, что мне стало его жалко. Человек, можно сказать, чах в семейном счастье.

— Мы... на рыбалку, — соврал я.

Двойняшки перестали грызть отбивные. Хвост Рогны замер в воздухе.

— На рыбалку? — повторила она.

— Ну да. У нас. Спиннинги. Мы хотели опробовать.

— Ну покажи-покажи мне эти спиннинги! — Рогна прищурилась. — Ты хоть знаешь, каким концом эту удочку держат?

— Я...

— Нет, — перебила она.

— Рогна...

— Я сказала — нет! — хвост хлестнул воздух. Она встала, по-амазонски перехватив тяжёлую чугунку. — Антон будет здесь. Он теперь отец и больше не может срываться непонятно куда только потому, что какой-то Зайцев попросил!

— Хватит делать из меня подкаблучника! — не выдержал Тоха. — В прошлый раз я тебя послушал, и чем всё кончилось?

— Ну чем? Чем? Тем, что ты жив остался и спасибо мне не сказал даже? Так ты потом всё равно весь год как идиот чинил тачку и бегал по порталам, пока я в пузе вынашивала твоих детей! Этим кончилось, да? Ты это хотел сказать?

— Ты не слушаешь меня никогда! Я их спас в последний момент! — Тоха психанул. — Корсак...

— Мне плевать на Корсака! — Рогна шагнула к нему. — Ты мне обещал. Помнишь? На ступеньках. Я думала — всё. Конец. Конец всему этому дурдому. А потом опять и опять?! Да ты вспомни, ради чего мы сюда переехали! Ради свободы! Чтобы от всего этого дерьма подальше! Ни заряженных, ни Яра! Чтобы не отчитываться перед гномами с компостерами! Чтобы заказать роллы хоть в два часа ночи, если захочется! Просто роллы, Антош! С лососем и филе форели! Вот чего я хотела — роллы в два часа ночи, а не мужа, который постоянно пропадает!

Она перевела дыхание.

— Мы сюда ехали за нормальной жизнью. А что мы имеем?

Тут кто-то трижды ударил по батарее. БАМ. БАМ. БАМ.

Рогна дёрнулась. В глазах вспыхнуло что-то такое, от чего мне захотелось стать очень маленьким и спрятаться за диван. Она развернулась резко, как танковая башня, и со всей дури врезала по батарее сковородкой.

БАМ!!!

— СЛЫШЬ, ТЫ! У МЕНЯ ТУТ МУЖ ДОМА! ПОНЯЛ, НИЩЕБРОД?! ЕЩЁ РАЗ СТУКНЕШЬ — ОН К ТЕБЕ ПОДНИМЕТСЯ И В ЖОПУ ЗАСУНЕТ ТО, ЧЕМ ТЫ ТАМ КОЛОТИШЬ! У МЕНЯ ДЕТИ СПЯТ!

Дети, разумеется, не спали. Дети смотрели на мать с выражением глубочайшего уважения.

По батарее донёсся приглушённый, извиняющийся стук.

— То-то же, — выдохнула Рогна, швырнула сковородку на журнальный стол и повернулась к нам как ни в чём не бывало. Поправила бигуди. Я начал думать, что эта женщина в одиночку могла бы выиграть войну, если бы ей дали сковородку и достаточно мотивации.

Тоха смотрел на неё. Уши висели. Но глаза не бегали — и это, наверное, и есть любовь, когда ты можешь стоять перед разъярённой женой, не отводя взгляда.

— Ты! Я тебе не верю, — она ткнула когтем в меня. — У вас руки из жопы. Вы этими удочками друг друга заколете и скажете, что так и было задумано.

Паша, стоявший у двери, тихо хрюкнул, пытаясь сдержать смех. Рогна метнула в него взгляд — и он заткнулся.

— Ну? — она скрестила руки. — Я жду. Что на самом деле?

Я вздохнул, покосился на Пашу. Тот едва заметно пожал плечами — мол, ври, ты умеешь.
— Ладно, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал виновато. — Мы хотели просто... пива попить. На берегу. У реки.

— Бухать?! — Рогна прищурилась.

— Не бухать, а... ну, посидеть. Без вот этого всего, — я обвёл рукой квартиру, подразумеваемая подгузники и погремушки.

Паша активно закивал, изображая раскаяние.

Рогна смотрела на меня. Потом на Тоху. Тоха смотрел в пол, как школьник, которого вызвали к доске, а он не готов.

— Ой, ладно всё, — она отмахнулась рукой. Подошла к окну. Поправила занавеску, которую после когтей Сони можно было не поправлять — та висела на трёх нитках. Поправила, поняла бесполезность этого дела, отдернула руку.

— Не могу видеть этот твой щенячий несчастный вид. Я не хочу, чтобы ты, Антон, сидел и бормотал, как в прошлый раз. «Я поступил не как Бро. Я себя не прошу». Я это год слушала.

Тоха моргнул.

— Что?

— Да ничего. Ехай.

— Серьёзно?

Она подошла к кровати. Собрала в горсть растрёпанный поролон. Миша укусил её за палец. Она не заметила.

— Но есть условие.

— Какое?

— Детей возьмишь с собой.

Вот тут, признаюсь, даже я на мгновение потерял дар речи. Тоха же только и мог, что плюхнуться губами.

— Что?!

— Ты слышал. — Рогна смотрела на Тоху, но взгляд был какой-то... оценивающий. Как будто она ставила в голове галочку: «Врёшь — ну и ладно. С детьми ты будешь осторожнее». — Если ты едешь — пусть дети будут с тобой. Тогда ты точно не напьёшься. Потому что будешь думать о них. Всё время. Каждую секунду. И пиво пить не сможешь, потому что у тебя на руках будет ребёнок, а на голове второй.

— Какая-то глупая логика, — пожал плечами Тоха.

— Чего ты сказал? Какая я?

— Ничего не сказал...

Тоха беспомощно посмотрел на меня.

— Бро, это твоя семья. Тебе решать. — Я пожал плечами.

Тоха перевёл взгляд на Соню, которая наматывала его шерсть на кулачок. Потом на Мишу, который уже перепрыгнул через бортик кровати и теперь грыз Пашин ботинок.

— Ладно, — сказал он.

Рогна кивнула. Подошла к Тохе. Взяла его за мохнатую щёку. Поцеловала в нос.

— Вот и умница. Собери им вещи.

— Какие вещи?! У них нет вещей! Они младенцы!

— Подгузники. Пелёнки. Бутылочки со смесью. Погремушку-единорога. И слюнявчики. У Сони режутся зубки. И, Антошенька... надень что-нибудь поприличнее, всё-таки в люди выходишь. — Рогна говорила это так, как будто пять минут назад не кормила двойняшек мясом со сковородки.

Она уже выходила из комнаты, но на секунду задержалась в дверях. Схватила меня за рукав. Когти чуть выдвинулись, проткнув ткань куртки.

— Сёма-а-а, — голос её был не громче сигаретного дыма. — Ты теперь в ответе за них. Понял? Сёма. С тобой дети мои едут. Не забывай. Это должен быть минимум Диснейленд. Если нажрётесь, я тебе жопу порву. Это не фигура речи, Зайцев. Я знаю, как рвать жопы.

Я кивнул. Она выпустила мой рукав, хлопнула меня по плечу — сильно, на грани синяка — и вышла.

Через час мы стояли у Бро-мобиля. Тоха загружал сумки. Рогна стояла рядом и командовала.

— Осторожнее с бутылочками! И не трясى — она пенится! Если ты её вспенишь, они будут срыгивать, и вся машина будет в смеси, и мы будем это нюхать до конца наших дней!

— Да зачем им смесь, они же у тебя всё подряд едят.

— Молчи и не трясى.

Паша стоял с Мишей на руках. Миша методично отгрызал пуговицы с его куртки.

Хрум. Хрум. Хрум.

— А им это не вредно? — всё-таки решился спросить Паша.

— Не, — отозвался Тоха. — Он их переваривает.

Соня уже висела на занавеске в салоне и довольно лопотала.

Тоха сел за руль. Я — на пассажирское. Паша на диване, с младенцами. Миша тут же перелез на спинку и начал изучать деревянные панели.

— А «Жига» моя?.. — спросил Паша с тоской.

— Постоит, — сказал Тоха. — Рогна присмотрит.

Рогна осталась на тротуаре. Ветер трепал её волосы. Бигуди топорщились антеннами. Хвост ходил из стороны в сторону.

— Антошенька! — крикнула она.

Тоха высунулся в окно.

— Список я тебе скинула. Купишь всё. И творожки возьми.

— Понял. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. Развлекайтесь.

Она развернулась и пошла к подъезду. Спина прямая. Походка твёрдая. Женщина, которая только что отправила мужа в ночь с двумя младенцами и списком покупок, и даже не обернулась, потому что против её воли неприятности не посмеют случиться.

Тоха смотрел ей вслед, пока дверь подъезда не закрылась. Потом выдохнул.

— Погнали, — сказал он.

Бро-мобиль вырулил на проспект.

Сзади раздался грохот. Соня упала с занавески на Мишу. Тот взвыл. Паша заметался.

— Разними их! — крикнул Тоха.

— Да как? Они сильные!

Я посмотрел на Тоху. Тоха посмотрел на меня.

— Долгая будет ночь, — сказал он.

— Знаю, — ответил я, глядя в зеркало. В зеркале отражалась пустая дорога и два жёлтых огня без номеров, которые не собирались ни приближаться, ни исчезать.

Глава 3 Отделение трансплантАлогии

— А пиво когда? — спросил Тоха с неподдельной наивностью.

Я посмотрел на него слегка растерянным взглядом. Мне казалось, что даже Рогна давно всё поняла, а Тоха вот застрял сознанием.

— Тох... мы едем в больницу. Нам твоя помощь нужна будет. Паша, он, конечно, мощь, но он не заряженный...

— Ты же про пиво говорил? — сиротливо перебил Тоха.

— Нет, ну конечно, мы и пива попьём, — постарался успокоить его я, и, кажется, это мне удалось, — но сначала в больницу. Там кое-кто есть. Надо разобраться.

— Какое «кое-кто»?

— Я объясню по дороге.

Тоха посмотрел на меня. Потом на дымящийся бок. Потом на серую тачку, которая упрямо маячила в зеркале.

— Ладно, — выдохнул он, подрубая четвёртую. — Но сразу предупреждаю: если там надо будет кого-то убивать — на меня не рассчитывай. Я с этим завязал.

— А ты что, когда-то убивал? — удивился я.

— Ты многого обо мне не знаешь, — веско произнёс он и попытался сотворить лицом многозначительную мину.

Сзади раздался крик — Миша прокусил Пашин ботинок.

С божьей помощью и какой-то матерью, полчаса спустя Бро-мобиль затормозил на больницы парковке. За эти полчаса я рассказал Тохе, что знал, а поскольку знал я, прямо скажем, немного, вся лекция уложилась в плотные пять минут, а оставшиеся двадцать пять мы коллективно разнимали двойняшек и Пашу.

Областная больница 2 предстала перед нами во всей своей монументальной тоске, подсвеченная снизу мертвенными прожекторами. Знаете, это такой особый тип освещения, который делает даже самых румяных и живых похожими на покойников трёхдневной давности. Над главным входом красная надпись: «ОТДЕЛЕНИЕ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ — 3 КОРПУС».

Тоха заглушил двигатель. В салоне стало тихо — такая себе тихая тишина, какая бывает только ночью в припаркованной машине. Глубину этого момента нарушала только Соня: она возилась на диване и с упрямым азартом пыталась затолкнуть Паше в рот погремушку.

— Мы оторвались, — сказал Тоха, глядя в зеркало. Серая тачка отвалилась ещё на Кольцевой.

— Скорее, они сами позволили нам уйти, — отозвался я.

Дверь распахнулась, и мы шагнули в темноту. Ночной воздух встретил нас резким, тревожным запахом латекса.

На парковке стояли реанимобиль и «Солярис» с битым бампером — просто машина, у которой что-то не сложилось в жизни, впрочем, как и у всех нас. Их тёмные стёкла отражали наши вытянутые лица.

У служебного входа нас встретила суровая железная дверь с магнитным замком. Рядом белела пластиковая табличка, категорично заявлявшая: «ВХОД ДЛЯ ПЕРСОНАЛА. ПРИЛОЖИТЕ ПРОПУСК».

— То-о-ох! — Паша сделал Тохе широкий, приглашающий жест, как будто Тоха был болгаркой.

— Что «Тох»? — возмутился тот. — Я тебе её зубами, что ли, выгрызть должен? Или лбом приложиться, чтобы закоротило?

Миша, сидевший у Тохи на руках в положении мешка с картошкой, согласно загукал и ткнул мохнатым пальчиком в сторону дырки вентиляции у самой земли.

Мы присели у решётки, издав коллективный хруст в коленях. Отверстие уходило в шахту. — И что? — спросил Паша. — Это же вентиляция. Туда никто не...

Он осёкся. Потому что Миша уже прыгнул с Тохиных рук. И — я клянусь, это произошло быстрее, чем я успел моргнуть, — они с Соней, не сговариваясь, юркнули в дырку.

— Нет! — только и успел выкрикнуть Тоха. — Куда?

Но их уже не было.

— СОНЯ! МИША! — Тоха и попытался пролезть следом, но пролезла только голова.

Изнутри донеслось довольное гуканье и удаляющийся топот копытцев по жести.

Тишина. Потом — скрежет. Внутри, за стенами, что-то щёлкнуло. Загудело. И толстая дверь приоткрылась.

В проёме, на бетонном полу, сидели Соня и Миша. Соня держала в зубах чей-то бейдж с магнитной лентой.

— Вы что творите? — Тоха, крихтя, вытащил голову из вентиляции, подхватил обоих на руки и отобрал бейдж. — Вы где его взяли?

Соня лизнула его в нос.

— Не подлизывайся, — строго, но уже как-то обречённо сказал Тоха. — Марш в автобус. Вы наказаны.

Соня и Миша недовольно зарычали. Тоха потащил их обратно.

— Бро, я глушить не буду, — кинул он нам, удаляясь.

Ну, по крайней мере, Тоха не уехал сразу, и на том спасибо.

Коридор встретил нас с Пашей темнотой. Стены бледно-зелёные. Плитка на полу. На плитке — следы колёс каталки. Возле стены кулер с водой, и в нём неожиданно, переворачиваясь, бульбухнулся нажористый пузырь. Звук вышел такой громкий, словно кто-то в темноте рыгнул. Паша вздрогнул. Я сперва подумал, что его напугал кулер, но Паша поднял руку и указал пальцем в сторону лифтового холла.

Там, на низенькой банкетке из кожзама, прислонившись к стене, сидел труп. В больничном халате без бейджа. Тапки. Руки сложены на коленях. Голова опущена. На первый взгляд — живой человек, присел отдохнуть.

Я, стараясь не дышать носом, подошёл ближе. Зачем-то протянул руку и аккуратно приподнял его голову за липкий подбородок.

Лучше бы я этого, конечно, не делал. Лицо было обглодано до костей черепа. Ни глаз, ни носа, ни губ — просто желтоватая, влажная кость, облепленная ошмётками плоти.

— Б@#ть! — вырвалось у меня.

Я резко отдёргнул руку, и голова мертвеца с глухим стуком снова упала на грудь. И в этот момент из-под его халата по полу потекла тёмная лужа. Жидкая, коричневатая, с нехорошим, маслянистым блеском. Она расплзлась по белому кафелю, будто что-то внутри покойника всё ещё продолжало работать по инерции, даже после того, как хозяин уже ушёл. Задник его больничного халата — там, где он касался банкетки, — был мокрым.

Он обоссался. Уже мёртвый. Его мышцы расслабились, кишечник опорожнился, и вот теперь он сидел на этой банкетке, прислонившись к стене, с обглоданным лицом и полными штанами, и смотрел на нас тем, чего у него уже не было.

— Боже... — выдохнул Паша. — Что с ним делать?

— Идём дальше, — сказал я, отворачиваясь. — Здесь мы ему не поможем.

Я шагнул в коридор, стараясь не наступить в лужу, которая продолжала расти. Коридор расширился в холл. Две двустворчатые двери. Над левой горела красная лампа. Под ногами — разводы, которые могли быть пролитым бетадином, а могли быть кровью.

ХРРР-ХЫЫ... ХРРР-ХЫЫ...

Я узнал этот звук.

— Иди вправо, — негромко сказал я Паше.

— А если что?

— Если что, кричи.

Паша кивнул, пошёл вправо.

Я пошёл под красную лампу налево. Туда, где говорили «Хррр-хыы».

Там было холоднее. Свет моргал — через равные промежутки. Длинный стол под бестеневой лампой. На столе — простыня, под которой угадывались очертания человеческого тела. Рядом — столик с инструментами. Скальпели разложены по размеру. Зажимы. Пила для грудины. В углу — аппарат ИВЛ, отключённый от сети.

— Эй, — негромко позвал я в темноту.

Никакого ответа.

Я достал телефон, включил фонарик и повёл лучом вглубь помещения. У стены стояло три ширмы. Сдвинутые друг на друга, они скрывали что-то гигантское.

Заглянув в узкую щель, я резко замер. Луч фонарика вздрогнул.

Это была лапа. Нереально, жутко большая рука. Пальцы с моё запястье. Серая натянутая кожа топорщилась грубыми стежками. Из кривых швов торчали нитки, а между пальцами запеклись бурые разводы. Я перевёл луч выше. Ткань скрывала остальное, но я отчётливо видел, как там кто-то сидит.

— Господи, — я перекрестился, хоть и не верю.

Я сделал шаг ближе. Протянул руку к ширме.

И в этот момент свет совсем погас.

Я резко повернулся на каблуках. В дверях стояла фигура. Высокая. Худая. В белом халате. Лицо оставалось в глубокой тени, но глаза... Глаза были яркими, чёткими и какими-то пугающе знакомыми.

— Созда-а-атель, — произнесла фигура голосом, который я не слышал год, но узнал бы из тысячи.

Аварийный свет!

Фигура шагнула вперёд.

Белый халат был залит кровью по локоть. Губы, подбородок, грудь — всё в тёмных, засохших разводах. В одной руке он держал скальпель. В другой — что-то скользкое, тёмно-бордовое, с желтоватым отливом.

Свежую человеческую печень.

Он медленно, не сводя с меня глаз, поднёс её к лицу. Откусил прямо от края. С чавканьем прожевал. По его подбородку, пачкая воротник, потёк тёмный сок.

— А я-я-я тебя жда-а-а-л-л-л, — сказал он с набитым ртом, и голос его был одновременно и его, и чей-то ещё, более низкий, более голодный. — Ты обещал научить меня охотиться. Помнишь? Но я научился. Сам.

Он улыбнулся. Клыки стали длиннее, чем год назад. Намного длиннее.

Стас!

Глава 4 Носфератум

Стас утёр губы рукавом халата. Печень он не доел, остатки бросил на пол — они шлёпнулись с влажным звуком, подошёл ближе, и я почувствовал сырое мясо пополам с гелем для волос.

— Идём, — выдохнул он, и в его глазах блеснуло какое-то детское, дурацкое торжество. — Покажу тебе всё. Ты оху...

Он хохотнул, подавившись концом слова.

Мы двинулись по коридору. Стас пёр впереди, и полы его халата хлопали за спиной. Хирургическая маска болталась у него на кадыке. На ходу он поправлял тяжёлый перстень — вещь была явно с чужой, куда более пухлой руки, и перстень постоянно съезжал.

— Я-то сначала думал. Ты гонишь. Типа приколы, чисто по Макану: «это не я, это адреналин». Ну там, зубы, летучая мышь. А потом смотрю — нет, всё правда. Растут. И растут. Стал в зеркало смотреть — не отражаюсь. Ну, почти. Если боком встать, понимаешь, и свет приглушить, чтоб только из окна падало, то виден такой размытый силуэт. Ну ты сам знаешь, как это бывает.

Я не знал, но промолчал.

Он провёл меня мимо бывших палат, где на койках лежали его упыри — бледные, подключённые к капельницам с мутным раствором. Мимо операционной, переделанной под трапезную: на хирургическом столе — разделочная доска, а на ней покоилось нечто волосатое и неопределённое, во что я сознательно решил не всматриваться. И мимо кладовой с медикаментами, где на полках вместо лекарств стояли банки с органами.

— Это всё моё, — Стас обвёл коридор широким жестом, едва не сбив кольцом плафон на стене. — Я тут главный. Получается, я уже их создатель. Папочка, сечёшь? А ты, выходит, дедушка! Они меня слушаются. Все. Поначалу бунтовали, но я организатор. Я умею объяснять людям их обязанности.

На слове «объяснил» он сжал кулак, и я заметил на костяшках свежие ссадины.

— Ты даже не представляешь, Зайцев, до чего это геморройно — быть лидером, — продолжал он. — Упыри тупые. Им надо говорить по три раза. Один вчера вообще забыл, зачем в операционную пошёл. Стоял, сука, час лбом в стену, а потом сел и уснул. Но я их не бросаю. Я не из тех, кто сливается.

Он покосился на меня — многозначительно.

— А соль? — спросил я. — Как вы до соли-то додумались?

— Соль? Какую, в пиз... соль? — Стас как-то непонятно сказал это «в пиз...», видимо, клыки мешались.

— Твои твари напали на меня. У них была соль. Они знали, что она жжёт тесто. Откуда?

Стас обернулся к одному из упырей, который как раз уныло брёл мимо нас с пустым эмалированным судном. Упырь посмотрел на нас стеклянными глазами и вяло пожал плечами, издав горлом звук, похожий на клокотание засорённого унитаза.

— Ты чо думал, на тебя охота? Не-е-ет, Зайцев, расслабь булки. Это я их послал. Пригласить. Они просто тупые. Я сказал: «Найдите Зайцева и ведите сюда». Ну, они и нашли. — Он хмыкнул. — А соль... Да я просто просил их по дороге соли купить. Мы же тут жрём в основном сырое мясо. Оно пресное. Без соли вообще не лезет. Вот я и велел взять. Денег, конечно, им не дал — на хрена им деньги, они же монстры.

— И они случайно рассыпали на меня? — спросил я, чувствуя внутри раздражение от этой идиотической ситуации.

— Ну, наверное. Чего ты докопался-то? Соль же, в конце концов, не чеснок, че ты истеришь?

Мы подошли к двустворчатой двери с табличкой «ТРОННЫЙ ЗАЛ». Буквы огромные, вдавленные, с агрессивным наклоном вправо, а заглавная «Т» украшена безумным росчерком. Из-за закрытых дверей доносилась музыка — бас, от которого затылок начинал зудеть, и унылый хор, выводивший что-то на латыни или на чём-то, что звучало как латынь.

— Нравится? — Стас заметил, как я прислушиваюсь. — Это «Амено». Чисто наша темка, да?

Какая нах наша? Я не понял.

Он толкнул дверь и замер на пороге, давая мне время оценить.

— Входи, дедуль! Тут атмосфера.

Аудитория тонула в полумраке. Шторы из простыней задёрнуты наглухо. Вдоль стен, на казённых откидных сиденьях горели свечи — штук пятьдесят, не меньше. Воск капал на линолеум и застывал белыми кляксами. В воздухе плавал сладковатый запах антисептика.

В центре зала возвышался трон.

Гинекологическое кресло, мать вашу!

Какое-то списанное, с потрескавшейся обивкой. Кто-то сомнительно одарённый накинул на спинку красную тряпку, и она свисала багровыми складками до пола. На подлокотники скотчем примотаны две больничные утки — видимо, для придания имперского антуража. На сиденье подушка от геморроя.

Но первым, кого я увидел, был даже не трон.

Первой была она.

Она стояла слева от возвышения, чуть впереди остальных. Косуха под больничным халатом. Чокер на шее. Проколотый нос. Короткая стрижка, которую я помнил растрёпанной после поездки на байке. Тёмная помада, размазанная в уголке губ.

Маша смотрела прямо на меня.

Я помнил ту парковку. Свет фары. Её танец под бит — отчаянный, неуклюжий, жалкий. Я сказал ей тогда: «Ты красивая». А она уже знала, что через минуту приедут Хромой с Воротником. Когда всё кончилось, я отвёз её домой на байке. Она дрожала. Прижималась ко мне — не от страсти, от страха. У подъезда я сказал ей: «Ты правда думаешь, что я буду тебя трахать?» И добавил: если расскажет кому-то, что видела, я её убью.

Она не рассказала, но и не исчезла. Она нашла другой способ. Она стояла по правую руку от вампира. Не главная, но уже и не та девушка, которая мечтала, чтобы в её жизни случилось хоть что-то.

Я коротко кивнул ей. Она не ответила.

Стас что-то говорил про её дизайнерский вклад, про униформу, про то, как она «помогла с концепцией». Я его не слушал. Я смотрел на второго персонажа этой мизансцены.

Он сливался с тенью от старого шкафа. Левая ступня вывернута наружу — будто готова бежать, но никогда не убегает.

Хромой.

Он единственный не смотрел на меня. Его глаза бегали по залу, по свечам, по трону, по двери — куда угодно, только не на меня.

Он был единственным в этом зале, кто упорно избегал моего взгляда. Его воспалённые глаза лихорадочно бегали по помещению: они разглядывали оплывающие свечи, гинекологический трон, косяк двери — всё что угодно, только не моё лицо. Он был единственным среди всей этой своры, кто знал, что никакой великой вампирской магии здесь нет. Он знал, что Стас — просто дурачок с тестом в крови. Что вся эта империя — карточный домик, построенный на лжи, которую я когда-то, чтобы отвязаться, наплёл своему соседу по общаге. А упыри вокруг — это просто отупевшие, без ограничителей заряженные. Но он молчал.

За ними, полукругом, стояли ещё четверо. Как обычно бледные, с пустыми глазами, в рваных больничных халатах. Один сжимал капельницу как копьё. Второй держал поднос с какой-то влажной тёмной массой. Третий и четвёртый просто стояли и дышали ртом.

Стас взошёл на трон.

Поднялся по ящикам из-под медикаментов, застеленным простынёй. Развернулся, взмахнул своим плащом. Плащ зацепился за стремя — Стас дёрнул, высвободил, сделал вид, что так и задумано. На его груди лязгнул толстый просвинцованный фартук из рентген-кабинета — Стас, судя по всему, таскал его вместо рыцарского доспеха.

Он сел. Положил руки на подлокотники. Ладони лягнули по больничным уткам.

— Нравится? — спросил он. — Я сам придумал. Ну, почти сам. Машка вот лезла с дизайном интерьера. Бабы, чё с них взять. А вон те, — он кивнул на упырей с капельницей, — они мебель таскали. Обращать народ, Зайцев, это, я тебе скажу, целая наука. Сначала думал — кусать надо, как в фильмах. Не работает! Они орут, я ору — бардак. А потом Хромой тему подогнал: через кровь. Через капельницу. Я попробовал — и понеслась езда по кочкам!

Он сиял. Он правда сиял. От гордости, от нетерпения, от желания услышать мою похвалу. А Хромой... А что Хромой? Он лишь глядел в пол.

— Ты молчишь, — удовлетворённо констатировал Стас. — Это хорошо. Это значит, ты впечатлён. Я тебя понимаю, я бы на твоём месте тоже знатно впечатлился.

Он откинулся на спинку. Подушка для геморроя под ним сплющилась и зашипела, выпуская воздух. Стас не заметил. «Пш-ш-ш-ш».

— Но это ещё не всё. Самое главное — впереди. Я должен тебе рассказать, как я стал Носфератумом. Потому что Стаса больше нет. Стас — это для лохов. А для посвящённых я теперь Носфератум.

Он сделал глубокую, театральную паузу.

Где-то на откидном сиденье с громким треском лопнула свеча, пустив струю чёрного чада.

И вот тут я понял, что больше не могу это слушать. Мне просто стало невыносимо тошно от всей этой грошовой готики.

— Стас...

— Носсссфера-а-атум!

— Э-э-э... Окей, Носфератум, послушай меня.

И я зачем-то начал говорить. На свою, разумеется, дурную голову.

Я подробно стал объяснять ему, что никаких вампиров в природе не существует. О том, что я выдумал всё это год назад в общаге, чтобы он отвязался от меня. О том, что клыки, летучая мышь, бессмертие — всё это чушь. О том, что он не вампир. Он заряженный. Как я. Как они все. Что тесто — это не магия крови, а просто хреновина, которая сидит внутри нас. Что я, конечно, спас его тогда, в общаге, но я же его, получается, и посадил на это дело. Что всё это — трон, свечи, упыри, плащ — построено на абсурде.

Я говорил и говорил и видел, как в процессе его лицо меняется. Сначала — непонимание. Потом — обида. Потом — ярость. Тяжёлая, тёмная, накрывающая всё.

— Ты врёшь! — он вскочил с трона. Плащ затрещал, зацепившись за стремя. — Ты проверяешь меня! Ага? Хочешь понять, достоин ли я быть Носфератумом! Это испытание!

— Нет, Стас, это не испытание.

— Чушь! Чушь собачья! — он брызгал слюной, его перстень перевернулся камнем внутрь ладони. — Значит, ты завидуешь! Понятно же. У тебя нет своего трона, нет своей свиты, нет своего имени! Ты думал, что я буду как собачка ждать тебя, но я совершил самопревышение! Я стал Носфератумом! Я всё это построил сам! Я превысил тебя, Зайцев!

Я перевёл взгляд на Машу. Она даже не шелохнулась. Ей, по большому счёту, было абсолютно насрать, во что именно верить — в вампиров, в рептилоидов или во второе пришествие социализма, — главное, что прямо сейчас она была в стае.

Тогда я посмотрел на Хромого. Тот продолжал водить глазами.

— Стас, — сказал я. — Хочешь доказательств? Вон, спроси у Хромого. Он знает, что вампиров не существует. Спроси у него.

Стас медленно повернулся к Хромому. Тот замер.

— Хромой? — голос Стаса дрогнул, и в этой дрожи было всё: сомнение, страх, надежда, что это неправда.

Пауза. Долгая. Вязкая, как воск, капающий с подсвечника.

Хромой поднял глаза. Посмотрел на Стаса. Потом на меня. Он открыл рот.

— Я... я понятия не имею, про какое тесто ты тут мелешь, Зайцев. Мы — вампиры. Дети ночи, б@#ть.

Стас моргнул.

— Вот! — крикнул он. — Он подтверждает! Зайцев! Ты думал, я лошарик? Что меня можно на понт взять?!

Хромой тут же снова опустил глаза в пол.

Стас повернулся ко мне. В его глазах больше не было обиды. Только холод.

— Ладно, — зловеще произнёс он. — Не хочешь по-хорошему. Я думал, мы вместе будем править. Два высших вампира. Ты бы стал моей правой рукой. А ты... ты остался всё таким же мелочным говном, каким был в общаге.

Он поднял руку. Дешёвый перстень тускло блеснул в пламени свечей. Голос его сорвался на крик:

— УБИ-И-ИТЬ! СОЖРИТЕ ЗАЙЦЕВА-А-А!

Маша первая шагнула вперёд. Лицо её при этом оставалось удивительно спокойным — только в глубине зрачков горел нехороший огонёк. Она ждала этого год. Она готовилась.

Хромой не двинулся.

Упыри дёрнулись. Тот, что держал поднос, выронил его — алюминий с грохотом полетел на пол, и тёмная мясная масса расплескалась по линолеуму. Я отступил к двери. Амено гремела на весь зал — хор выводил свои псевдолатинские слова, и под этот гимн идиотизма стая Стаса шла на меня.

И тут, как в дешёвой книжке, напрочь перекрывая Амено, из дверного проёма грянул голос Паши:

— Силой Господа нашего! И Создателя! Приказываю вам — изыдите, нечестивые твари! Вся свора одновременно обернулась на голос и как-то неуверенно зашипела.

— У меня тут святая вода! — продолжал орать Паша. Он держал в руках помойное ведро. — Кто сделает хоть шаг — оболью, гниды!

Судя по специфическому запаху, в ведре плавали помои и окурки.

— Фу, чел, это что, из туалета? — растеряв готический пафос, спросила Маша.

Бледные брезгливо попятнулись.

Глава 5 Бюрократическая насмешка

Упыри замерли. Один, тот, что с капельницей, запутался в подоле собственного халата и едва не рухнул. Другие приплюхивались, сморщив носы.

— Рискнёте проверить? — не растерялся Паша.

Упыри переглянулись, решая этот сложный вопрос, и этих секунд хватило, чтобы я рванул к двери. Капельница просвистела мимо моего уха — один из упырей попытался метнуть её на манер копья, но промахнулся. Она ударилась о стену со звоном.

— Хватайте их!! — заорал Стас с трона. — Он не поп, он обманщик!

Упыри дёрнулись — но Паша качнул ведром, и жижа угрожающе плеснула через край. Окурочек выпал на пол. Бледные отшатнулись.

Я был уже у двери, когда дорогу перегородила Маша.

Она встала в проёме. В руке — скальпель. Предполагаю, она потрошила им пациентов. Лезвие неприятно поблёскивало в свете свечей.

— Ты никуда не пойдёшь, Зайцев.

Голос у неё был даже поувереннее, чем я помнил. Тот был выше, звонче, с вечной вопросительной интонацией. «Зайцев! Ты сегодня рано». «Покатаешь потом?». Как будто каждое предложение она заканчивала знаком вопроса, ожидая, что мир ответит ей «да». Теперь в её голосе никаких вопросов не водилось. Только утверждения. Ей очень хотелось доказать, и в первую очередь самой себе, что она больше не та нелепая девчонка с парковки, которая танцевала в свете фар, отчаянно ожидая, что кто-нибудь придёт и заполнит её внутреннюю пустоту.

— Маша, — сказал я со смертельной усталостью. — Отойди.

Вместо ответа она ударила.

Скальпель пошёл по дуге. Я качнулся вбок. Лезвие чиркнуло по куртке.

— Теперь сможешь убить меня? — выдохнула она, наступая. — А? «Изобретательно больно». Помнишь? Что ты можешь теперь?

Грим вампирской королевы — тёмная помада, подведённые глаза, радикально выбритые виски — совершенно не скрывал того, что пряталось под ним. Ту девушку, которая когда-то говорила: «Я не ищу глубокий смысл в каждом пуке». Ту, что стояла на парковке и танцевала под светом фары, неуклюже, угловато, отчаянно. Ту, что не надела трусы перед свиданием, потому что слишком старалась быть желанной.

Я ударил в силу бытового насилия. Просто в корпус. Под дых.

Маша сложилась пополам. Скальпель выпал из пальцев и звякнул о кафель. Она рухнула на колени, схватилась за живот, закашлялась.

— Прости, — сказал я, глядя на её макушку. — Ты правда была красивой. Там. На парковке.

Она подняла голову, но я уже перешагнул через неё и вышел в коридор.

За спиной орал Стас:

— ВСТАТЬ! ДОГНАТЬ! ОЛУХИ!

Паша не глядя швырнул ведро с жижей под ноги ближайшему упырю. Упырь отпрыгнул. Мы вылетели на парковку. Бро-мобиль стоял с заведённым двигателем. Тоха, увидев нас, распахнул дверь.

— Живо!

Мы запрыгнули. Дверь захлопнулась. Бро-мобиль рванул с парковки, и гравий брызнул из-под колёс веером. Тоха крутанул руль, подвеска жалобно стонала.

Сзади, из дверей больницы, вываливалась стая.

Бледные фигуры в развевающихся халатах выбегали на газон, прыгали через перила, скачивались по пандусу.

И тут в крышу ударило.

БУМ! Тяжёлый звук. На потолке, прямо над детской кроваткой.

БУМ! Будто картошка упала в ведро.

Соня подняла голову и как-то заинтригованно загукала. Миша перестал жевать ремень безопасности или что он там жевал.

— Они на крыше! — крикнул Паша.

Я выглянул в боковое окно. Свесился, насколько позволял ремень. Увидел край крыши — и бледную руку.

— Тряси! — крикнул я Тохе.

Бро-мобиль заложил такой вираж, что сверху донёлся визгливый скрежет когтей. БУМ-БУМ-БУМ! Этот глухой картофельный звук. Что-то мягкое перекатилось по крыше, ухнуло вниз, и в зеркале заднего вида промелькнула фигура, кубарем летящая по асфальту. Но на крыше оставались ещё. Я слышал, как они скребут когтями, переползают, ищут, за что зацепиться.

Соня вдруг перестала гукать и с пугающей для младенца осмысленностью отстегнула ремень. Тот с щелчком отлетел в стену.

— Соня! — крикнул Тоха, глядя в зеркало. — Пристегнись обратно!

Соня не слушала. Она встала на задние лапки, передними упёрлась в спинку сиденья и посмотрела на окно. Потом повернулась к Мише, который всё ещё сидел пристёгнутый, и издала короткий требовательный рык.

Миша перекусил ремень клыками — хрусть, и тот лопнул.

— Вы что творите?! — заорал Тоха.

Пока Тоха возмущался их поведением, двойняшки, не обращая на отца внимания, забрались на спинку дивана. Соня вцепилась в ручку окна, крутанула. Окно распахнулось. В салон ворвался ветер.

Бледная рука тут же метнулась внутрь — пальцы царапнули обшивку, вцепились в край окна. В проёме показалось лицо — перекошенное, с выпученным глазом. Упырь шипел, разевая рот.

Миша не раздумывал.

Он прыгнул вперёд и ткнул когтем прямо в этот выпученный глаз.

Хлюп!

Упырь заорал.

Глаз вытек.

Пальцы разжались, и упырь с глухим стуком отвалился в темноту. Соня удовлетворённо захлопнула окно. Миша облизал коготь. Они переглянулись, будто всю жизнь только этим и занимались, что выковыривали упырей из окон.

— Они... они его в глаз, — пробормотал Паша, глядя на двойняшек с ужасом и восхищением.

Тоха выдохнул. Уши его чуть приподнялись — кажется, он испытывал гордость.

Мы вырвались на прямую. Фары выхватывали пустую дорогу. Больница осталась позади.

— Соня! Миша! В кровати! Живо! — скомандовал Тоха, и в его голосе прорезался тот самый тон, который я слышал у Рогны.

Двойняшки недовольно поворчали, но послушно улеглись, будто накапливая силы для чего-то более масштабного.

Бро-мобиль поплыл по шоссе.

И тут — БАБАХ.

Бабахнуло снизу. Автомобиль дёрнулся, клюнув носом. Тоха вцепился в руль двумя лапами. Нас потащило юзом по обочине. Фары выхватили из темноты кусты, потом покосившийся дорожный знак, потом бетонный отбойник, который надвигался слишком быстро.

— Тормози! — крикнул Паша.

— Я торможу! — рявкнул Тоха.

Автодом замер в полуметре от отбойника. Тоха выдохнул, его когти оставили на оплётке руля глубокие борозды. Он смотрел вперёд — туда, где фары освещали бетонный отбойник.

— Колесо пробито.

Он отстегнул ремень. Открыл дверь. Вышел наружу, и я — за ним.

Правое переднее колесо действительно было вспорото. Из дыры торчал ржавый уголок — бюрократическая насмешка судьбы над попыткой эпичного побега.

— Запаска есть? — спросил я.

— Есть. В багажнике... — Тоха запнулся.

Я проследил за его взглядом. На дороге, в километре от нас, из-за поворота показались три пары фар. Они двигались целенаправленно.

— Упыри, — прошептал Паша. — Они нас догнали.

Фары приближались. Теперь уже можно было разглядеть машины: три седана без номеров, с тонированными стёклами. Та самая, что висела у нас на хвосте весь вечер, шла первой.

Колонна остановилась. Фары погасли одновременно — три пары жёлтых глаз захлопнулись разом. Двери открылись беззвучно. Из машин вышли люди в одинаковых серых плащах.

Из передней машины выкатился наш старый знакомый чиновничий гном — Нарцисс Панелевич. Его плащ волочился по земле.

Я откинул полу куртки. Положил ладонь на плеер в кармане. Он молчал.

— Доброй ночи, — пропел он своим материнским голосом, и от этой липкой, почти женской заботливости доброты совсем не прибавилось. — Какая неожиданная встреча. Зайцев. Хряков. Товарищ Сяпрямтрянский. Все в сборе. Как я и люблю.

Панелевич не доставал компостер. Сцепил пальчики за спиной и улыбался. Улыбка была похожа на трещину в раме — вроде и небольшая, а за ней сквозит.

— У вас пробито колесо, — сказал он. — Какая досада. Сейчас наши сотрудники помогут его заменить, и вы проследуете за нами.

— Куда? — спросил я.

— В управление, — ответил Панелевич. — Вас заждались, ребятушки.

Панелевич смотрел на меня. Улыбался своей трещиноватой улыбкой и ждал ответа.

Контролёры знают про упырей? Или не знают? А если и узнают — про то, что я создал целую стаю заряженных, да ещё каких: тупых, опасных, — меня не простят. Это вам не клуб Граф. Это нарушение всех мыслимых и немыслимых конвенций. За такое не минусуют баллы. За такое аннигилируют.

Но Панелевич не нападал.

Я обернулся на дорогу. Там, в темноте, на границе света, прятались фигуры. Упыри. Они не подходили ближе — боялись контролёров. Глаза их горели в темноте голодным светом.

Контролёры Панелевича и упыри Стаса. А мы между ними. Западня.

Тоха перехватил мой взгляд. Кивнул — коротко, едва заметно. Он всё понял. Паша тоже понял. Даже Соня с Мишей, прилипшие к окну, кажется, понимали больше, чем хотелось бы.

— Конечно, мы поедem за вами, — согласился я, натянуто улыбаясь.

— Вот и славно, — пропел он. — Зайцев, ты делаешь успехи. Я старею и становлюсь сентиментальным — может, даже сниму тебе пару минусов.

Он развернулся и засеменил к своей машине.

Мы ехали молча.

Несколько часов. Может, больше. Время в дороге теряет смысл, когда за окнами одна и та же темнота, и фары выхватывают только серый асфальт и белую разметку.

Рассвело.

Упыри остались на обочине. Я не видел их, но чувствовал. Где-то там, в придорожных кустах, в тених, которые не рассеивались даже с рассветом, они двигались за нами. Не приближались, не отставали.

Соня смотрела в заднее окно и тихо, угрожающе шипела.

Дорога петляла. Леса сменялись полями, поля — мостами над тёмными реками, названий которых я не знал. Потом седан Панелевича мигнул поворотником и свернул в неприметный перелесок.

Знаете эти повороты? Одни — большие, с указателями, с яркими стрелками, которые кричат: «Сюда!», а другие такие, что сворачивают в обратную сторону против движения, и ты можешь ездить хоть каждый день мимо, но никогда не обращаешь внимание и даже не знаешь, куда он там ведёт, этот маленький, затаившийся в кустах поворотик.

Мы свернули в этот просвет.

Дорога была узкая, разбитая. Ветки скребли по бортам. Бро-мобиль переплывал через колдобины.

А потом лес кончился — и мы выехали на бетонную площадку.

КПП. Шлагбаум. За колючей проволокой — заросли. В будке сидел охранник, который сторожил эти заросли. Он даже не посмотрел на нас — просто поднял шлагбаум, когда седан Панелевича поравнялся с ним.

Седан въехал под шлагбаум. И — пуф.

Машина прошла сквозь туман и исчезла. Просто перестала быть, будто её стёрли ластиком.

Контролёр сзади посигналил: давай, не тормози.

Я смотрел, как шлагбаум надвигается на лобовое стекло. Рядом с ним, в воздухе, висело родное унылое серое тесто.

Туманное тесто коснулось лобового стекла.

И мир моргнул. За окнами стало другое небо. Другая дорога. Другой воздух.

Она стояла прямо там, упираясь шпилем в низкие облака. Семь этажей. Светло-бежевый камень. Колонны. Барельефы: шестерёнки, колосья, книги. Сталинская высотка. В лесу. Это было неправильно. Физически неправильно. Она не должна была здесь стоять. Не должна была возвышаться над чахлым подлеском, доминировать над этим болотом, тянуться к небу там, где небо принадлежало деревьям.

Я смотрел на высотку и думал: как она здесь оказалась? Кто её построил? Когда? Для чего? И почему никто в городе никогда о ней не говорил?

Вопросов было больше, чем ответов. Но спрашивать было некого. Панелевич уже открывал дверь главного входа.

Сзади, в салоне, тихо сопели Соня и Миша. Набегались за ночь. Миша прижимал к груди Пашин ботинок, который так и не отдал. Соня лежала на спине, раскинув лапки, с блаженной улыбкой во сне.

Они восстанавливали силы.

Для чего — я пока не знал. Но подозревал: это «большое» начнётся уже сегодня.

Глава 6 Серёжин сон

Мне снилась Лика.

Мы с ней лежали в заброшенной санатории. Старые матрасы, сухие сосны за разбитым окном. Где-то тихо играло радио — «Маяк». Песня заедала на одной строчке: «Прискакал ко мне лесной олень...» — пауза, хрип, и снова: «Прискакал ко мне лесной олень...»

Лика лежала на продавленной кровати. Сетка провисла под ней, и рыжие волосы текли сквозь ячейки вниз, к полу, в самый мох. Мох был такой же рыжий, как она. Он поднимался от потрескавшегося пола, оплетал металлические ножки и тянулся навстречу её прядям, словно отчаянно хотел с ними слиться.

Она была голая. В том смысле, в каком бывают голыми деревья зимой: беззащитно, честно, с какой-то тихой, почти святой простотой, будто ей ещё никогда не делали больно. Веснушки рассыпались по плечам, груди и животу, будто мелкая ржавчина на старой белой эмали. Лика лежала, закинув руки за голову, и смотрела на меня с тихой улыбкой.

— Ты опять думаешь об этом, — сказала она.

— Я думаю, это правда поможет нам всем, — ответил я.

— Марк не может этого знать, — Лика покачала головой. — Все его эксперименты — это чистое безумие.

— Лика, он стоял у истоков. Он гений, — упрямо добавил я, — и он мой друг.

Я смотрел на её тело. Оно пахло мхом.

— Серёжа, — позвала Лика. — Иди сюда.

Она не двигалась. Просто сказала — и беспомощно, очень доверчиво, протянула руку ладонью вверх. Воздух огустил.

Я встал на колени перед кроватью. Панцирная сетка скрипнула. Мох под коленями был тёплым и влажным, словно собачья шерсть. Он дышал. Или это мне снилось, что мох дышит, — во сне всё дышит, даже стены.

Я поцеловал её колено. Пятнышки веснушек на коже складывались в созвездие, которого нет на небе. Лика вздохнула и выгнула спину, её кожа натянулась, и проступающие рёбра очертили контуры бледных, далёких островов.

Дальнейшее стало неизбежным.

Мой язык скользил по её бедру, собирая рыжие моховые нити, которые уже переползли с пола на кровать. Мох был повсюду — он оплетал её лодыжки, вился вокруг талии, забирался в подмышки нежно, почтительно, как любовник, который знает своё место. Я не отгонял его. Я сам был как мох — тянулся, обволакивал, прорастал.

Я вошёл в неё, и радио переключилось. Голос Левитана: «Внимание! Говорит Москва. Показывает Москва. Работают все радиостанции...» — и снова шум.

Лика двигалась подо мной в ритме, который не совпадал ни с музыкой, ни с голосом, ни с дыханием мха. Её ноги обвили мою шею, пальцы намертво вцепились в волосы. Она смотрела в потолок не мигая, и в её зрачках отражался потолок санатория, чистый и ясный, как у ребёнка, которого ещё не научили бояться.

И тут пошли черви.

Сначала один — тонкий, полупрозрачный. Он плавно высунулся из трещины в штукатурке и замер, принюхиваясь. Потом второй — из вентиляционной решётки. Третий — из-под кровати. Они стекались сюда со всего заброшенного здания — белые, розовые, серые — и замирали по периметру, наблюдая.

Я не мог видеть их глазами, ведь я был внутри неё. Но я всё равно каким-то образом их видел, осязал их присутствие. Лика, кажется, тоже это чувствовала: её улыбка стала шире, а зрачки круглее.

— Не останавливайся, — сказала она. — Они просто смотрят. Им интересно. Они хорошие. Им, наверное, просто одиноко и холодно там, в темноте.

Черви подползали ближе. Они свивались в склизкие клубки и снова расползались. Они сомкнулись вокруг кровати ровным кольцом, будто кто-то очертил нас мелом. И в этом круге, под аккомпанемент помех и левитановского баса, мы продолжали любить друг друга, а мох рос и рос, и уже не разобрать было, где кончаются её волосы и начинается этот чёртов мох; где кончается мох и начинаются черви; где кончается сон и начинается что-то другое.

Лица кончила. Я понял это по тому, как её рёбра проступили клавишами, и по тому, как мох на секунду стал ярко-оранжевым, а черви замерли все разом, будто по невидимой команде. Она вскрикнула — резко, почти выругалась.

Радио всхлипнуло и затихло.

Черви потянулись обратно в свои щели — медленно, неохотно, словно зрители, покидающие зал после хорошего спектакля. Мох побледнел и стал просто мхом.

Лица закурила. Откуда у неё в голых руках взялась папироса — бог знает. Сизый дым поднимался к потолку, послушно сворачиваясь в плотное облако. Она делала это задумчиво и очень просто, будто не было никакого таинства, а была только бесконечная, спокойная нежность.

— Не рискуй, — сказала она буднично. — Я ему не доверяю. Он всех нас доведёт до могилы.

Я не стал спрашивать, о ком она. Я и так знал.

— Я подумаю, — ответил я.

— А твоей семье он сказал о том, что хочет сделать? — она выпустила дым через нос.

Серёга молчал. Я чувствовал его молчание изнутри.

— Не говори им, — сказал я наконец. — Не говори никому.

Я смотрел, как мох затягивает её ноги — теперь уже не нежно.

Белый свет.

Я открыл глаза.

Санаторий исчез. Вместо мха — простыни. Вместо червей — тишина.

Паша спал на диване, в обнимку с Соней и Мишей. Соня обхватила его голову лапками, Миша устроился на животе.

Я просто вырубился на несколько минут. Тесто в боку шевелилось. Но в этот раз не как обычно.

— Серёга, — позвал я одними губами.

Он не ответил. Но плеер в кармане куртки нагрелся, распространяя слабое тепло.

Спать больше не хотелось. Перед глазами всё ещё стояла Лица — рыжие волосы, веснушки, мох, черви. И её слова, обращённые ко мне, хотя говорила она с Серёгой.

Глава 7 Ням

Сон оборвался без перехода. Просто лопнул, как мыльный пузырь, оставив во рту привкус папиросного дыма.

— Ты как, бро? — Тоха уже не спал, сидел на скрипучем диване, глядя перед собой тяжёлым, немигающим взглядом человека, который проснулся слишком рано.

— Нормально, — соврал я.

Комната была похожа на декорацию к фильму о советском рае. Большие окна с тяжёлыми шторами. Письменный стол с зелёным сукном. Лампа под абажуром с дурацкой мешанской бахромой, которая так и напрашивалась, чтобы её потрогали. На подносе — тарелки, накрытые салфетками. Графин с водой. Стаканы.

Паша, повинувшись пищевому инстинкту, уже отложил двойняшек и шуршал салфетками у подноса.

— Тут еда, — прошептал он.

Еда была странная. В белой керамической миске дымился молочный суп с вермишелью. На поверхности плавала пенка — жёлтая, морщинистая, как кожа на пятке старухи. Рядом, на блюде, отдыхала котлета с макаронами. Котлета была в форме идеального овала. Макароны слиплись. В стакане — компот из сухофруктов.

— Молочный суп, — вздохнул Паша. — С детства терпеть не могу.

Со скуки Тоха изучал содержимое шкафа — дубовый с виду тёмно-синий костюм от «ЛЕНПРОМШВЕЙ» и белую рубашку, застывшую в целлофане. Эту тоскливую тишину оборвал телефон, зашедшийся трелью в его кармане.

Уши Тохи как-то сами собой прижались к черепу. Он провёл мохнатой лапой по морде лица, как бы стирая усталость, и прошептал: «Всем молчать. Рогна».

Он включил громкую связь. Голос ударил из динамика с такой вибрирующей, женской мощью, что казалось, у балерины в серванте сейчас треснет фарфоровая пачка.

— Антошенька-а-а! Ты почему не звонишь?! Где вы?! Что с детьми?!

— Всё нормально, дорогая, — сказал Тоха. Голос у него был бодрый, почти жизнерадостный. Так говорят люди, которые смотрят на труп и убеждают жену, что они на пикнике. — Всё отлично.

— Что значит «отлично»?! Где Миша? Где Соня?

Соня и Миша, услышав свои имена, потянулись к телефону. Тоха отдёргнул трубку.

— Они спят, Рогна. И Мишенька, и Сонечка. Все спят. Они набегались. Тут...

Он обвёл взглядом зал. Герб. Люстры. Колонны.

— Тут... райские облачка. И сахарная вата.

Я закрыл лицо рукой. Паша тихо сполз по стене.

— Какие ещё облачка?! — взвыла Рогна.

— Ну, такие... розовые. Тут аттракционы. Мы ехали-ехали, а тут парк. Для деток это очень хорошо.

— Антошенька, я тебя умоляю, — голос Рогны стал тихим и опасным. — Ты сейчас стоишь посреди какой-нибудь разрушенной психушки и врёшь мне. Я это чувствую. У меня рога вибрируют, когда ты врёшь.

Уши Тохи почти свернулись в трубочку.

— Рогна, честное слово. Тут... карусель. И колесо обозрения. Соня покаталась, ей понравилось.

— Дай сюда ребёнка! — взвыла Рогна. — Дай трубку.

Тоха осторожно поднёс телефон к Соне. Та уставилась на трубку янтарными глазами. Потом открыла рот — и выдала такое громкое «ГУ-У-У», что динамик захрипел.

В трубке повисла пауза.

— Это она сказала «гу»? — спросила Рогна.

— Да. Она говорит «я люблю тебя, мамочка».

Рогна на том конце провода как-то сразу обмякла.

— Ладно, — выдохнула она уже без вибрирующей стали. — Ладно, мой хороший. Корми их. Шапочки надевай.

— Обязательно, родная. Тут как раз продают сахарную вату в форме шапок.

Гудки.

Тоха почесал ухо, словно снимая с него макаронину.

— Какие ещё шапочки? — Паша подал голос с пола.

— Не знаю, — Тоха пожал плечами. — Наверное, где-то в машине валяются.

Он посмотрел на меня и сел.

Я отошёл к окну и отодвинул штору. Внизу, на бетонной площадке, стоял наш Бромобиль. Чуть выше, над верхушками деревьев, по небу пробегала странная рябь — не свет, а оптическое искажение. Может, это была просто иллюзия, а может, здесь, на высоте, само время текло иначе. Но в оконном стекле я вдруг отчётливо различил далёкие очертания одинокого маяка.

Бок горел. Тесто внутри шевелилось — не латало, а именно шевелилось, будто что-то хотело выбраться наружу.

— Сём, — позвал Паша. — Ты чего?

— Ничего.

Я отошёл от окна. Прислонился к серванту. Балерина за стеклом дрогнула.

— Это странно, — сказал Тоха. Уши его стояли торчком. — Нас везут чёрт знает куда, в лесную глушь, в высотку, которой тут быть не должно. Просто взяли и привезли. Дали люкс, молочный суп, шмотки какие-то... Ты прикинь, бро?

— И что-то мне подсказывает, — добавил Паша, — что это не потому, что они нас полюбили.

— Именно, — кивнул Тоха. — Что им надо?

— Им что-то известно, — сказал я.

— А что, если им известно про всё?.. — Паша понизил голос. — Про упырей. Про то, что я простак. Про то, что ты... ну, создал их, считай...

— Они не знают, — перебил Тоха. — Потому что если бы знали — нам всем уже был бы пиз... — он закрыл Соне уши и договорил слово одними губами.

— Но рано или поздно... — не унимался Паша.

— Пап! — Тоха хлопнул лапой по столу. Суп в миске колыхнулся. Пенка прилипла к стенке и медленно сползла обратно. — Хорош. Дай лапшу хотя бы поесть спокойно.

В тишине было слышно, как Соня грызёт ножку серванта. Хрум. Хрум. Хрум.

Мой бок горел всё сильнее. Я дёрнулся. Никто не заметил.

— Где тут ванная? — спросил я.

— Вон дверь, — махнул Тоха.

Я заперся в ванной. Стянул куртку и футболку. Ткань шрама разъехалась. Сложенные стопочкой полотенца смотрели на меня с немим укором.

Я наклонился ближе к зеркалу.

Края были влажные, розоватые, и изнутри что-то торчало.

Я повернулся боком к свету.

Медленно поднёс палец к ране.

Там была пасть!

Узкая щель, растянувшаяся вдоль края раны. Когда я поднёс палец слишком близко, щель приоткрылась. Внутри блеснули зубы. Между ними копошился язык.

Я отдёргнул палец.

Пасть захлопнулась.

В зеркале отражался я — бледный, с дурацкой причёской, с пастью на боку.

Я сделал шаг назад. Пасть вновь приоткрылась — и из неё высунулся кончик языка. Он облизал край раны, собирая капельки сукровицы.

Меня затошнило.

Я включил воду. Зачерпнул в ладонь. Плеснул на рану.

Пасть оскалилась — и вдруг чихнула. Капли разлетелись по зеркалу.

— Будь здоров, — сказал я вслух. Потому что что ещё, б@#ть тут, скажешь?

Я стоял и смотрел на это. На пасть, которая облизывалась. В зеркале отражался я, но теперь я знал: я больше не один. И, может быть, никогда не был один.

В дверь постучали.

— Сём! — голос Паши. — Ты там живой?

— Сейчас-сейчас.

Я натянул футболку. Ткань легла на рану, и я почувствовал, как кто-то изнутри провёл по ней мокрым языком. Я вышел к ребятам. Паша посмотрел на меня, но ничего не спросил.

Тоха сидел на диване, держа Соню на коленях. Миша спал, свернувшись клубком и накрывшись хвостом.

— Что там? — спросил Тоха.

— Ничего.

— Точно, бро?

— Я сказал — ничего!

Он замолчал. Соня открыла глаза, посмотрела на меня — пристально, не мигая, — и снова закрыла. Она знала — дети, наверное, чувствуют, когда у взрослых едет крыша.

Я сел на стул. Молочный суп остыл, пенка бронёй затянула всю поверхность.

В дверь постучали. Три удара. Чётких.

— Открыто, — сказал Тоха.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял Панелевич. За его спиной — двое Контролёров в парадной форме: чёрные кители с серебряными пуговицами.

— Товарищ Сяпрямтрянский, — пропел Панелевич, и голос его звенел, как пионерский горн. — Остальные товарищи. Пройдёмте!

Он сделал шаг в сторону, освобождая проход. Контролёры вытянулись по стойке смирно. Сумка Панелевича, которую он по-прежнему таскал за собой, ткнулась о дверной косяк.

— Куда? — спросил Паша.

— В Малый зал Совета, — Панелевич просиял. — Для официальной церемонии. Вас ждут.

Мы переглянулись. Тоха, всё ещё с Соней на руках, встал с дивана. Миша продолжал дрыхнуть, свернувшись калачиком. Его даже перспектива церемонии не волновала.

— А дети? — спросил Тоха.

— Берите с собой, — Панелевич благосклонно кивнул. — Тем более юные дарования — наша смена, так сказать. Будущее нации.

Тоха подхватил Мишу, который даже не проснулся, а просто, во сне, намертво вгрызся зубами в его шерсть. Мы вышли в коридор. Ковровая дорожка мягко пружинила под ногами. Контролёры шагали по бокам, а впереди семенил Панелевич, на ходу поправляя плащ и уводя нас всё глубже в этот сумасшедший дом.

Глава 8 Товарищ Сяпрямтрянский

Бесконечный, как наша зима, коридор. Ковёр полностью гасил шаги. Мы словно плыли в пустоте — пять безликих фигур под конвоем парадных кителей. Если точнее, три полноразмерные фигуры и две мелких, хаотично копошащихся фигурёнки. Впереди всех семенил Панелевич.

Мой бок отчаянно пекло. Пасть под курткой, эта новообразованная квартирантка, которую никто не звал, а она прописалась, то сжималась, то разжималась, пробуя ткань на зуб. Я чувствовал, как мелкие, но очень амбициозные зубы царапают подкладку, и думал: интересно, а куртка входит в рацион или она ей просто так, для массажа дёсен?

— Бро, ты бледный, — шепнул Тоха, поправляя Соню, которая норовила сползти с его руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.